

В серии «Другие Миры»

вышли книги:

- Ника Ветрова**
Университет вредной магии.
Пособие по выживанию
- Галина Гончарова**
Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира
- Ольга Куно**
Горький ветер свободы
Черно-белая палитра
Чудовище и красавец
Опальный капитан.
Спасти Новую Землю
- Вероника Мелан**
Ассасин
Дэлл
Уровень: Магия
Бернарда
Корпорация
«Исполнение желаний»
Город Икс
- Ирина Котова**
Королевская кровь.
I. Сорванный венец
II. Скрытое пламя
III. Проклятый трон
IV. Связанные судьбы
V. Медвежье солнце
VI. Темное наследие
VII. Огненный путь
VIII. Расколотый мир
- Ольга Гусейнова**
Когда нет выбора
Сумеречный мир
Пепел на ветру
- Ольга Хусаинова**
Академия Зла.
I. Испытание ведьмой
II. Быть ведьмой
- Нина Бархат,**
Марина Багирова
Присвоенная
- Жанна Лебедева**
Сиреневый черный.
Гнев единорога
- Лесса Каури**
Золушки из трактира
на площади
Золушка вне закона
Золушки нашего Двора
Золушка и её команда
- Вероника Ягушинская**
Любовь по-драконьи
- Ирина Шевченко**
Осторожно, женское фэнтези
- Лина Алфеева**
Как довести прекрасного принца
- Алиса Дорн**
Институт моих кошмаров.
I. Здесь водятся драконы
II. Адские каникулы
III. Никаких демонов
- Таис Сотер**
Факультет прикладной магии.
Простые вещи
Факультет боевой магии.
Сложные отношения
Птица в клетке
- Кира Стрельникова**
Своенравный подарок
Бездушная
- Дарья Кузнецова**
Модус вивенди
Железный регент
Железный регент. Голос Немого
- Ольга Романовская**
Песочные часы
- Юлия Григорьева**
Погоня за сказкой
Погоня за сокровищем
- Ирина Зволинская**
Охота на дракона
- Алина Полянская**
Магистерия
- Анна Невер**
Обжигающий след
Обжигающий след.
Потерянные
- Екатерина Богданова**
Академия времени
- Марина Александрова**
Соль.
Судьба первородной
- Марина Суржевская**
Ветер Севера. Риверстейн
Ветер Севера. Аларания
- Ольга Миклашевская**
Это все магия!
- Алина Лис**
Маг и его кошка
Изнанка судьбы
- Лариса Петровичева**
Лига дождя
- Александра Черчень**
Господин моих кошмаров
- Евгения Сафонова**
Лунный ветер
- Валентина Савенко**
Вдова мастера теней
- Ольга Готина**
Кукловод

**Ирина
Котова**

**КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ**

РАСКОЛОТЫЙ МИР

Издательство АСТ

Москва

Мир Тура

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Ночью, когда над восточными берегами Йеллоуиня только-только занимался зимний рассвет, в небесных чертогах богов завыл от бессилия ветер. Холодный и влажный, с первыми лучами солнца он прилетел к черным стенам обсидианового замка и принес с собой горечь полыни и запах стылой свежевскопанной земли, вкус тяжелых камней и горя. Обычно в это время он уже осматривал свои владения и выращивал на небесных полях серебристый эдельвейс и белый первоцвет, так любимый долгожданной супругой, а веселые духи-змейки тщательно взбивали облачные перины их с Водой ложа и шуршали-судачили о том, что скоро увидят они хозяйку.

Но сегодня все было иначе. Даже богам иногда нужно поделиться с кем-то печалью.

Мокрые стены, окружающие замок, покрыты были рытвинами и потеками когда-то расплавленной и вновь застывшей породы — память о том, как полыхал здесь в ярости Красный Воин, пытаясь проникнуть внутрь и отбить жену у похитителя. Тогда от ударов в небесах реками разливался огонь и содрогались тонкие сферы, а сейчас тут царили безмолвие и темнота. Обсидиан поглощал рассветное сияние восходящего солнца, одинаково щедрого и с земными обитателями, и с небесными.

Ветер, как шелковая змея со множеством хвостов, трижды обтек по кругу замок, закрытый облаком соленого дождя. Гость не пытался выбить ворота, напоминающие вогнутое черное зеркало, или перелиться через стены, он даже не стучал — просто замер клубящимся потоком у тяжелого входа, положив голову на призрачные кольца и прикрыв глаза.

Та, которая сейчас жила в замке хозяйкой и истово берегла свой покой от других братьев, вполне могла и не выйти

к нему — она никогда не появлялась из-за черных стен раньше Поворота года, когда вступал в силу его сезон, сезон Белого Инлия. Он и не просил. Просто ему было легче сегодня находиться здесь, чтобы не сорваться вниз, на Туру, и не изменить ход событий, разрушив их общую надежду.

Но тут ворота скрипнули, повеяло из-за открывшихся огромных створок холодом и пустотой. Богиня предпочла появиться в своем человеческом облике — в виде маленькой, даже крошечной на фоне огромных стен черноволосой женщины с голубоватой кожей, серыми глазами и поникшими чайчьиими крыльями. Она стояла, молчала и ждала, и ветер, обычно игривый и теплый с нею, вздохнул печалью, затрепетав, и подполз ближе.

— Все-таки в нас стало слишком много человеческого, — с горечью проговорила Богиня-Вода, и голос ее был похож на шелест волн, набегающих на песок. По-матерински погладила ветер по призрачным чешуйкам. — Мне жаль, брат мой.

— И мне, — выдохнул Белый Целитель.

— Побудь сегодня со мной, — то ли приказала, то ли попросила она. — Мне больно.

— И мне, — повторил Змей-Воздух. — И мне.

26 января, четверг

Солнце, коснувшееся края континента, через несколько часов добралось до столицы Йеллоувиня. На просторной веранде светлого дворца, наслаждаясь первыми лучами, уже сидели император Хань Ши с супругой и ждали завтрак. Циновки, на которых расположилась правящая чета, были самыми простыми, соломенными, и на веранде не было ничего лишнего и вычурного: простота, четкие линии, большие окна с видом на цветущие нежнейшим розовым и белым цветом сады. Слуги, накрывая на низком столике простой завтрак, двигались бесшумно и одеты были в темные одежды.

Один из них, мастер-старик, служивший у императора с тех времен, когда они оба еще были безусыми юношами, стоял у низкого столика на коленях и аккуратно, умело смешивал в плоском чайнике ароматные травы и чай. Господин его с умиротворением следил за движением тонких рук. Обычно Хань Ши молчал, терпеливо дожидаясь окончания церемонии, но сегодня его молчание было удивленным. И поэтому старый слуга едва заметно вздрогнул, когда услышал мелодичный голос повелителя:

— Ты чем-то смущен, Йо Ни?

Чайных дел мастер не ответил — его сознания коснулись мягкие ментальные пальцы и тут же удовлетворенно отпустили. Ничего, кроме желания услужить господину и дружеской любви к нему, как к старому родственнику и великому правителю.

Старик поклонился, коснувшись лбом пола, и вышел, пятясь, сжимая в руках поднос с пятьюдесятью видами трав, из которых он все эти годы делал господину чай.

Дошло утро и до Песков — ныне влажных, сочно-зеленых, напоенных дождем. Сначала заглянуло солнце в Тафию, серебром высветлило широкое полотно великой реки Неру и скользнуло к белоснежному дворцу. Там, во внутреннем дворе, на мозаичной лазурной плитке тренировался дракон Четери, похожий на грозовой ветер — так быстр был он сам и его клинки, что за их движением и фигура Мастера казалась чуть смазанной.

Он смеялся, улыбался, как ребенок, успевая в битве с невидимым соперником подставлять лицо солнечным лучам, и был так совершенен, и двигался так красиво, что, будь у солнца воля, оно бы задержало свой ход, желая полюбоваться на лучшего воина в мире.

А пока им любовалась жена, сонная, завернувшаяся в цветастое покрывало, — и счастливо жмурилась оттого, что этот мужчина — только ее.

Светило шло дальше над Турой. Вот посветлело небо и над Истаилом, городом Владьки Владьк, и в дворцовом парке громче запели птицы, ярче запахло умытые росой цветы. Солнечные лучи проводили рваные грозовые тучи, скользнули по подоконнику покоев Владьки — и остановились, напоровшись на белые резные ставни.

И правильно. Нечего им там было делать — в страстной утренней неге сына Воды и Воздуха и дочери Огня.

Дошло солнечное утро и до Рудлога. Там, по заснеженным городам и весям, уже кипела жизнь: спешили люди — кто на работу, кто по магазинам, — и в воздухе витало предвкушение наступающего праздника Поворота года и скорой весны. Шумел и дворец — к празднику готовились и здесь. Тихо было только в Семейном крыле: королева и принцессы еще не проснулись после вчерашнего шаманского обряда по возвращению сестры и ночных откровений, связанных с их матерью.

Только принц-консорт Мариан Байдек встал, как обычно, в половине шестого и отправился на зарядку с гвардейским полком.

Высветило солнце и крутые склоны гор Бермонта, пробежалось по снегам и хвойным лесам, разбрасывая радужные искры, по разноцветным ярким домам столицы и достигло медвежьего замка. На каменном плацу уже занимались берманские и рудложские гвардейцы, и отголоски зычных команд подполковника Свенсена долетали до окон покоев короля Демьяна. Он спал рядом с женой, и пусть она была сейчас мохната и четырехлапа — не было слаще ему сна.

Через полчаса он проснется, потрется щекой о холку супруги, вдыхая ее запах и подавляя желание обернуться. Поднимется, не моргнув глазом, воткнет себе в руку иглу из выданных шаманом Тайкахе — и только выступившая испарина, на мгновение пожелтевшие глаза и мелькнувшие клыки покажут, как ему больно, — а затем пойдет заниматься нелегкими королевскими делами. Много их запланировано на сегодня. А матушка, леди Редьяла, будет следить за Полиной и обязательно сообщит, если она снова обернется в человека.

В столицу Блакории солнце пришло позже. Король Гюнтер нехотя одевался, тяжеловесный и мрачный поутру. Его тоже ждали дела, и он мечтал о том времени, когда старший сын вырастет, получит образование, и можно будет удалиться от дел. Гюнтер очень переживал смерть сестры, винил себя и Луциуса, и предстоящая церемония памяти не прибавляла ему благодушия. А еще ему очень хотелось поделиться своим горем с Иппоталией — но он и так выбалтывал ей в постели слишком много государственных тайн, слушал советы, и его счастье, что он сам интересовал царицу куда больше, чем его секреты или возможность влиять на управление страной.

Наконец добралось солнце и до Маль-Серены. Высветило остывшее за ночь море, заиграло на серых волнах бледными пятнами, коснулось спины вынырнувшей из прохладной воды царицы Иппоталии. Она была не одна — с ней в море пошла наследница, Антиопа, — и две любимые дочери Синей набирались сил перед дневной церемонией. Сегодня праздновали годовщину коронации Иппоталии, и всему семейству предстоял проезд по улицам и конные игры на огромном стадионе.

Перед тем как коснуться острова морской царицы, рас-свет накрыл и Инляндию. Но страна туманов и тут оправдала свое прозвище: вся она была закутана плотной мглой, кое-где переходящей в дождь и размывающейся только на побережье, и переход к новому дню произошел незаметно.

Леди Шарлотта Кембрич, урожденная Дармоншир, проснулась от звука шагов в собственной спальне. Кто-то сел на край кровати, и постель скрипнула, прогнулась; под веками вспыхнуло сияние от включенного ночника. Графиня открыла глаза. Рядом расположился его величество Луциус Инландер, уже чисто выбритый, свежий и одетый. Словно и не спал меньше ее.

— Поднимайся, Лотти, — проговорил он нетерпеливо, — священник ждет нас.

Леди Шарлотта приподнялась, сонно щурясь от яркого света. За окном только-только начинало сереть.

— Как ты решителен, — пробормотала она с сомнением. — Так быстро после похорон... Нужно ли торопиться, Луциус?

— Я не хочу ждать, — отрезал король и добавил чуть мягче: — Я еще вчера все решил. Не спорь, Лотта.

— Как будто с тобой возможно спорить, — она с ироничной нежностью погладила его по рыжим волосам, по щеке, и Луциус, едва заметно улыбнувшись, взял ее ладонь, прижался губами и отпустил.

Графиня посмотрела на часы, а затем на любовника — уже с легкой укоризной.

— Полвосьмого утра, Лици.

— Вот именно, — Инландер тоже взглянул на часы. — У тебя пятнадцать минут, милая. Я в девять должен быть на завтраке в Форштадте, а днем — на памятных мероприятиях у могилы Магдалены.

— Пятнадцать минут для дамы на утренний туалет? — леди Лотта, несмотря на ворчание, уже вставала, накидывая роскошный кружевной пеньюар. — Ты меня за одного из своих гвардейцев держишь, Лици?

— Я и так дал тебе поспать. Поторопись, — невозмутимо велел его величество и пересел в кресло. — Лотти...

Она обернулась у входа в ванную комнату, подняла брови.

— Через год я устрою тебе такую свадьбу, что о ней еще век будут говорить, — пообещал он почти виновато. — А сейчас одевайся.

Часовня Белого Целителя располагалась в прибрежном имении Инландеров, на узкой каменистой скале, высоко под-

нимающейся из моря, что сейчас взбивало у ее подножия ледяную крошку. Построенная из белого камня, за годы расчерченного соляными узорами, почти вросшая в гранит, она, казалось, парила в воздухе.

Через двадцать минут после пробуждения леди Шарлотты в гостиной ее покоев появилась придворный маг Инляндии, выглядевшая еще более сонно, чем невеста. Виктория с невозмутимым лицом поприветствовала короля, улыбнувшуюся ей графиню и перенесла их к часовне. Леди Лотта, ступая рядом с будущим мужем и чувствуя, как уверенно он сжимает ее пальцы, краем глаза заметила сияние над головой, обернулась — волшебница двигала руками, и их с Луциусом вместе со строением накрывало несколькими хорошо видимыми переливающимися цитами.

У открытых дверей ждал старенький священник. Обветренное лицо его было покрыто морщинами, глаза выцвели, как бывает у тех, кто всю жизнь живет на море и всматривается в сияющий горизонт, но спина была прямой, и руки, которыми он благословлял гостей, — крепкими.

В белой часовне перед небольшой статуей змееногого Белого Целителя, покровителя страны и династии, леди Шарлотту Кембритч, графиню Мелисент, и его величество Луциуса Инландера назвали супругами. Король был сух и невозмутим, а вот графиню от обрядного речитатива, далекого и ровного гула моря и свиста ветра в узких окнах святилища все же пробрала нервная дрожь, закончившаяся только в тот миг, когда ее дрожащие пальцы почти до боли сжала крепкая рука. Луциус защелкнул у нее на запястье традиционный брачный браслет Инландеров в виде кусающей себя за хвост змеи, подождал, пока супруга сделает то же самое, и с несвойственной ему мягкостью прижал леди Лотту к себе, целуя. Священник деликатно отвернулся.

— Я все исправлю, — пообещал король, внимательно глядя ей в глаза. — Веришь, Лотти? Инлием клянусь, исправлю.

— Ты уже клялся, — прошептала она без упрека. — Не нужно, Луциус. Просто будь со мной. Я все вынесу, только не оставляй меня больше.

— Никогда, Лотти, — пообещал он уверенно. — Никогда.

Виктория вернула их домой и осталась дожидаться монарха в гостиной. Афишировать тайный брак не стоило, и новобрачные сняли с себя браслеты, сложили их в шкатулку, чтобы надеть через год, на официальной церемонии. Его величество, несмотря на стремительно приближающийся завтрак,

королевские обязанности и прочие важные вещи, все оторваться не мог от супруги: то сидел, курил свои сладко пахнущие сигареты и смотрел, как она переодевается в домашнее платье, то целовал ее и с нежностью прижимал к себе, и слова признаний, неловкие, немного высокомерные, очень странно звучали в устах этого сухого человека.

— Я бы хотел провести этот день только с тобой, Шарлотта, — сказал он, когда времени оставалось совсем немного. Они стояли у окна, прижимаясь друг к другу, а снаружи наконец-то сквозь туман начало пробиваться зимнее солнце. — Но не могу. Вечером приду к тебе, отпразднуем.

— Я все понимаю, Лици. Иди в свой ужасный кабинет. Иди же, — вопреки строгому тону, леди Шарлотте хотелось улыбаться, и чувствовала она себя неприлично, невозможно молодой. И тоже не хотела никуда отпускать супруга. Его величество словно не слышал ее — рассеянно гладил по спине и курил.

— Ты моя жена, — проговорил он наконец. — Я так спокоен сейчас, Лотти. Мне кажется, я никогда не был так спокоен. Люблю ощущение, когда я знаю, что все сделал правильно. Как это ты согласилась после всего, что было?

— Разве ты оставил мне выбор? — усмехнулась графиня, но, увидев требовательный взгляд короля, повторила то, что ему зачем-то требовалось часто слышать: — Просто я люблю тебя, Лици.

И от удовлетворения в его взгляде леди Шарлотту затопила тихая нежность.

Без трех минут девять Луциус все же ушел. А графиня, еще ощущая на губах его крепкий поцелуй, рассеянно выпила чаю, захватила драгоценных масел и пошла в часовню — молиться и благодарить богов.

Рано в этот день в Инляндии поднялись не только тайно брачующиеся. Лорд Лукас Дармоншир тоже встал ни свет ни заря. Четверг обещал быть насыщенным, и с утра, прежде чем звонить Марине и признаваться в собственном бессилии, нужно было решить несколько важных вопросов.

Но сначала его светлость, потирая ноющий от недосыпа затылок, спустился в дедов, ныне свой, кабинет и открыл тяжелую дверь в сейфовую комнату — фамильную сокровищницу с драгоценностями. Ярко вспыхнули огни по периметру, осветив старые деревянные полки, заставленные шкатулками, подставками под украшения и ящичками с сокровищами. Справа, за мешочком с камнями, вернувшимися из Эмиратов,

за опаловыми ожерельем и серьгами, привезенными для Марины из Форштадта, и прочими ценностями стояла почерневшая от времени шкатулка, которая принадлежала еще первому Дармонширу, брату тогдашнего Инландера. Эта шкатулка со своим содержимым была дороже всех драгоценностей герцогского рода вместе взятых и не сгнила только потому, что на ней до сих пор держалось сильнейшее сохранное заклинание.

Люк осторожно, почти благоговейно вынес ее из сейфовой комнаты, поставил перед собой на стол и открыл крышку. Пахнуло сухой древесной пылью. На вытертом бархате, тускло мерцая белым, лежали тонкие платиновые браслеты в виде кусающих себя за хвост змеев. По семейным преданиям, первому герцогу и его избраннице во время свадьбы даровал их сам Инлий Белый, и Люк был склонен верить легенде: вес браслетов почти не чувствовался, зато от прикосновения по коже словно разряды пробежали, и тягучая головная боль на мгновение усилилась — и прошла. Последними, надевавшими их как брачные украшения, были дед и бабушка.

«Знаешь, почему браслеты инляндской аристократии имеют такую форму?» — спрашивал у маленького Люка дед, позволяя внуку вертеть украшение на своем крепком запястье.

«Потому что наш покровитель — Инлий-Змей, дед».

«Не только, — весомо объяснял его светлость. — Змей, кусающий себя за хвост, — символ бесконечности пространства, а Белый Целитель — суть воплощение пространства, Лукас. В браке же этот символ предполагает бесконечную верность и любовь. И если любовь преходяща, то верность своей избраннице мы, блюдя честь рода, должны сохранять».

Да, честь рода всегда стояла для деда на первом месте.

Люк на удивление много помнил из разговоров со стариком... хотя какой старик? Кристоферу Дармонширу на тот момент было не больше пятидесяти.

В роду Дармонширов, конечно, были и гуляки, и верные мужья, как бывали и негодяи, и почти святые. Увы, благородный титул не гарантирует благородства природы. Но, насколько Люку было известно, дед бабушке не изменял и любовницу завел только после ее смерти.

Лорд Лукас аккуратно проверил целостность драгоценных артефактов, сложил их обратно в шкатулку и закрыл сейф. И закурил, стоя у окна и наскоро планируя утро. Посмотрел на часы: половина девятого. Марина еще должна спать. А он пока сам съездит за священником, который живет в соседнем

маленьком городке у моря, объяснит ему деликатность ситуации и попросит провести тайный обряд. Подумает, как решить проблему с семьей Рудлог: либо вообще не говорить им пока о браке и смириться с тем, что Марина до официальной церемонии останется жить в Иоаннесбурге и встречи будут так же редки; либо поставить в известность и опять вызвать справедливый гнев ее родных.

Нужно еще отдать указания Леймину: пусть проверит часовню и парк, усилит охрану — не дай боги сюда проберется какой-нибудь настырный журналист или случайный турист. Или агент, работающий на Луциуса.

Воспоминание о шантаже его величества снова привело Люка в раздражение, и он с досадой вмял сигарету в пепельницу, закурил новую, успокаиваясь. Леймин, конечно, после своего провала в Эмиратах прочешет всю округу, но чужих не пропустит. А Люк, помимо прочего, прикажет Ирвинсу, чтобы подготовили находящиеся этажом выше большие семейные покои. И еще необходимо срочно и по возможности деликатно решить проблему с Софи. Будет неуважением к Марине ввести ее хозяйкой в дом, где живет женщина, с которой он спал. Неуважением и большой глупостью.

Марина

Удивительная вещь человеческая психика. Вчера, после всех новостей и перипетий, я была уверена, что не смогу заснуть. Переодеваясь ко сну, представляла, как всю ночь буду таращить глаза в потолок и думать о своей горькой судьбушке. Но организм решил по-своему. Я заснула, не успев даже натянуть на себя одеяло, и сны мне снились забавные и светлые.

Несколько раз я все-таки просыпалась и за короткое время успевала испугаться предстоящего замужества, позлиться на Люка, мрачно решить, что только я со своим везением могла попасть под сбой действия противозачаточных, вспомнить маму — трудно было не вспоминать после признаний отца и Стрелковского, — и улыбнуться отчетливо ощущаемому на севере живому огоньку Полины. Пусть слабою, как у новорожденной — такие же были поначалу у Василиных детей и сейчас у Мартинки, — но живому, живому! Теперь он точно не потухнет — Демьян обязательно сделает все, чтобы она вернулась насовсем. Да и я сделаю.

Но минута паники проходила, и сон снова обнимал меня крепкими теплыми руками — я растягивалась под одеялом,

с удовольствием сжимая подушку и уходя в мир грез, где не бывает проблем.

И лишь утром, проснувшись и посмотрев на часы, я поняла, что крепкий и глубокий сон — это тоже нервное. Стрелки показывали половину десятого, из-за штор падали косые полосы солнечного света, а на телефоне светились два непринятых вызова от Кембритча.

Я поспешно набрала его, чувствуя, как от паники и желания закурить начинает потряхивать. Даже зубы заныли — я прижалась щекой к подушке, потерлась об нее, зажмурилась, и снова ощутила укол страха, когда услышала хриплый голос Люка:

— Доброе утро, детка. Только проснулась или пряталась от меня?

— Спала, — призналась я с нервным смешком. — Но спрятаться все равно хочется. Как дела, Люк?

«Ты знаешь, я беременна».

— Я прошу тебя стать моей женой, Марина, — проговорил он то, что я так боялась услышать. Хотя чего уже бояться-то?

«Я беременна, черт, черт, черт!!!»

— Ничего не получилось, да? — сдавленно спросила я.

— Меня сделали, детка, — просто сообщил Люк и напряженно замолчал. А я все не могла заставить себя открыть рот и сказать «да».

— Я приду к тебе, — решила я. — Поговорим. Хорошо, Люк? — В голосе появились просящие нотки, и я разозлилась. — Мне надо тебе еще кое-что сказать.

— Ты заставляешь меня нервничать, — усмехнулся он. — Сейчас не скажешь?

— Нет.

«Потому что я хочу видеть твое лицо, когда ты узнаешь».

— Я приду через... — Я взглянула на часы. — ...К двенадцати, Люк. Сейчас, соберусь с духом, позавтракаю...

— Жду тебя.

— Угу, — уныло откликнулась я. Безалаберная свободная жизнь с каждой минутой отдалялась все явственнее.

— Не грусти, детка, — насмешливо и чуть виновато сказал Кембритч своим неподражаемым голосом. — Я бы все равно добрался до тебя и вынудил выйти за меня замуж. И, клянусь, я рад, что это будет так скоро. Мне не хватает тебя в моей постели.

Я улыбнулась и закрыла глаза от удовольствия. И язвительно напомнила:

— Я еще не дала своего согласия, Люк.

Короткий, все понимающий смешок.
— Жду тебя, Марина. К двенадцати.

Я немного повалалялась в постели, не желая вставать в новую пугающую жизнь. На тумбочке рядом с кроватью лежал мешочек с иглами — и каждый раз, когда я смотрела на него, по телу пробегал холодок.

Наконец я так устала бояться, что села на кровати, решительно сунула руку в мешок, закусила губу, закатала рукав пижамной кофты — и воткнула иглу в левую руку. По телу пронеслась обжигающая волна — и я застонала, упав на бок, глотая слезы и судорожно дергая ногами.

Это было невыносимо больно. Зато потом, когда ожоговые ощущения ушли, я сразу успокоилась. Хуже этого точно ничего не может быть, поэтому я перестала оттягивать неизбежное, встала и пошла в душ.

За поздним завтраком собралась вся наша уменьшившаяся семья. Обычно в десять все уже занимались своими делами, но, видимо, крепкий сон после вчерашнего накрыл не только меня. И если Василина и Мариан были обеспокоены, как и отец, а Каролинку интересовало только то, какое я надену платье, то Алинка имела вид чрезвычайно рассеянный и немного безумный. Вилкой она ковыряла омлет с пряными травами, что-то шептала, сердито хмурясь и повторяя свою бессмыслицу. Иногда подносила кусочек ко рту, даже делала кусательное движение — но вилка уходила в сторону, а сестричка снова начинала бормотать.

— Ребенок, — позвала я настойчиво, когда так и не съеденный омлет шлепнулся обратно в тарелку. Алина вздрогнула, сфокусировала на мне взгляд. — Поешь, — я кивнула на пустую вилку, и она недоуменно перевела взгляд на прибор. — Будет обидно, если ты не сдашь свой жутко важный экзамен только потому, что от голода упадешь в обморок.

На лице Алинки отразился ужас, и сестричка поспешно начала поглощать завтрак. Василина с нежностью посмотрела на нее, улыбнулась мне.

— Не передумала?

— Нет, — надеюсь, голос мой был так же тверд и беззаботен, как мне хотелось. — Мы встречаемся с Люком в двенадцать. От него вернусь уже с браслетом.

— Я хочу пообщаться с ним до этого, Марин, — настойчиво и даже немного повелительно проговорила Василина. Королева в ней проглядывала все чаще. — Мы должны защитить твои интересы в браке и согласовать срок официальной